

В ТЕАТРАЛЬНОМ БРАТСТВЕ

Труд - 1999 - 20 апр. - с. 4

Народного артиста России, известного кинорежиссера Николая Губенко, снявшего такие замечательные фильмы, как «Пришел солдат с фронта», «Подранки», «Из жизни отдыхающих», «И жизнь, и слезы, и любовь», сегодня можно увидеть на заседаниях в нижней палате парламента, в театре «Содружество актеров Таганки», но никак не в павильонах «Мосфильма». Похоже, ученик Сергея Герасимова, сполна изведав тернистые пути кинопроизводства, ушел с головой в политику, попутно руководя и играя в своем театре, который, по его словам, «надо защищать»... От кого и во имя чего — об этом и пойдет речь.

— Николай Николаевич, как вы считаете, окружающая нас жизнь располагает к творчеству или в связи с тем, что сейчас искусство находится в тени, то и у художников руки опускаются?

— Всякий художник, если он, конечно, настоящий художник, творит независимо от того, какая его окружает жизнь. Но поскольку на данный момент мое творчество приносит мне одни хлопоты и заботы, несчастья и беды, то, разумеется, радости остается мало. Иногда она возникает во время успешной премьеры спектакля или когда удается что-то пробить важное для людей.

Вы, наверное, знаете, что в течение четырех лет мы судились по поводу нашего здания с Госкомимуществом Москвы и все 27 судов выиграли. И тем не менее, несмотря на это, нас никто 6 лет не финансирует. Дело в том, что мы должны были отказаться от права владения нашим зданием и только тогда в обмен на эту услугу нам готовы были открыть финансирование. Но поскольку Любимов и его окружение пытались несколько раз отобрать у нас эту площадку и вышвырнуть на улицу, мы не уверены в том, что, если подпишем этот документ, не превратимся в бомжей. Ведь Любимов давно мечтает сделать из этого здания Международный центр искусств и стать его единоначальником.

За последние годы я три раза прошелся по своим друзьям, которые ранее спонсировали наши спектакли, но по четвертому кругу идти не могу. Степень униженности и оскорбленности такова, что больше я не в силах просить Христа ради.

— Николай Николаевич, а где вы находите деньги на зарплату своим артистам, работникам цехов?

— Мы живем на полном самообеспечении.

— Позвольте вам не поверить. Это невозможно, так как билеты у вас стоят от 15 до 35 рублей.

— Вы правы, на выручку от продажи билетов не проживешь, даже если в театре будет постоянный аншлаги. При этом оклады у нас очень маленькие: народная артистка России Зинаида Славина получает 700 рублей. Раньше нам помогали спонсоры, но после 17 августа и они оказались «на мели».

— А ваше участие в парламенте не облегчает вам жизнь?

Неужели при вашем политическом весе вы не можете разрешить вопросы, связанные со статусом вашего театра?

— Театр — это проблема нашего коллектива, и я бы не хотел ее смешивать с парламентскими делами. Конечно, можно было инициировать этот вопрос через Комитет по культуре в виде какого-то обращения, постановления. Но я продолжаю надеяться, что можно договориться с московским правительством по-человечески.

— Но ведь нельзя столько лет находиться в подвешенном состоянии...

— Ну а что — еще один скандал поднимать?.. И так все обо всем знают, начиная с Примакова, Матвиенко, Маслюкова, Егорова.

— Выходит, с приходом демократии наше театральное братство нашлось, а теперь каждый выживает в одиночку?

— Да, это так. Более того: Саша Калягин, которого я всегда считал очень умеренным и доброжелательным по отношению ко мне человеком, открыл глаза, узнав, что наш театр до сих пор не получает дотацию.

— Это что, заговор против вас? Или не хотят портить отношения с Любимовым?

— Большинство театральных деятелей в первую очередь не хотело бы портить отношений с московским правительством, которое активно помогает театрам. Я думаю, если бы Юрий Лужков не проявлял такого активного интереса к московской культуре, то она бы уже давно загнута... Поэтому как художественный руководитель я завидую тем театрам, которые находятся под его покровительством. Мне же постоянно приходится что-то придумывать, изобретать, чтобы прокормить и не оставить без работы людей своего театра, а их 147 человек. У нас сейчас появилось много интересной творческой молодежи. Каждому, кто приходит к нам, я говорю: ничего стабильного вам обещать не могу, театр не финансируется, а потому в любой момент будьте готовы к сбоям и задержкам зарплат. И тем не менее артисты идут к нам.

— Скажите, это из-за недостатка материальных средств у вас такое скромное художественное оформление спектакля, посвященного Афганистану: белый киноэкран, а на сцене песок, на котором валяются каски и оружие?

— Нет, так было задумано. Если вы видели спектакль, то заметили, что в нем используются кинохроника войны в Афганистане и письма солдат с фронта. Мы не хотели никаких приукрашательств. Строго, скромно, но правдиво.

— Как я знаю, в работе над пьесой принимала участие и ваша жена Жанна Болотова. Скажите, этот замысел возник в результате ваших долгих раздумий по поводу позорной для СССР войны в Афганистане или эта тема была кем-то подсказана?

— Импульс к созданию этой постановки мне дал полковник Раздубудко Евгений Александрович. Побывав у нас на спектакле, посвященном памяти погибших во время Великой Отечественной войны, он сказал: а почему бы не сделать нечто подобное об афганской войне?

Я думаю, нет ни одного человека в нашей стране, который бы не задавал себе вопрос: зачем и кому нужна была та война? Тем более сейчас он вертится у каждого на языке — после событий в Чечне. И вот теперь опять война в Югославии, и тысячи добровольцев готовы ехать туда и защищать братьев-сербов... Одним словом, конец XX века собирает какую-то страшную дань с человечества, унося жизни самых сильных и здоровых парней.

Лично моей семье афганская война не коснулась в отличие от Отечественной, в которой я потерял отца и мать... Но вы никогда не спрашивали себя, почему эта трагедия не всколыхнула лучшие умы нашей творческой интеллигенции? Почему ни один театр не поставил спектакль на эту тему? Почему она не отражена в кино,

— Ну, фильмов на эту тему достаточно много, только они прошли каким-то третьим экраном. Вот вы не хотели бы после спектакля снять картину об этой войне?

— Хотел бы. Но что толку? Вы же знаете, насколько сейчас разрушена наша киноиндустрия. Неизвестно, когда она восстановится. «Важнейшее из искусств» по-прежнему не в кругу важнейших интересов государства. Не знаю, может быть, и найдется какой-

нибудь сумасшедший, который вложит 2—3 миллиона долларов в серьезный кинофильм об Афгане, только с трудом верится в это...

— Выходит, список снятых вами фильмов может закончиться кинолентой «Опасная зона», снятой в 1988 году?

— Ну что ж, возможно и такое. Хотя у меня давно лежит сценарий, под который уж наверняка никто не даст денег. Это моя давнишняя мечта: поставить фильм о моем опыте чиновника, когда я «входил в бюрократию» и два года был министром культуры.

— Наверное, если бы вы на этом посту не прошли «огонь, воду и медные трубы», то, скорее всего, не выдержали бы зятя Любимовым?

— А черт его знает... Не было бы этого испытания, не вернули бы мы Любимову на Родину, то, скорее всего, я бы оставался главным режиссером Театра на Таганке.

— Жалеете о том, что приложили столько усилий, чтобы вернуть Юрия Петровича в его родной дом?

— Нисколько. Я жалею о том, что он оказался не тем человеком, которого мы знали с 1964 года. Как выяснилось, существует три Любимова. Первый — это пришедший в театр со своей командой артистов лидер, преисполненный брехтовских устремлений о переустройстве общественной мысли. Второй — бросивший театр на произвол судьбы, предпочтя материальные блага духовным. И пусть ни о каком преследовании он не говорит, потому что у него были выходы на самые верхушки власти, вплоть до Брежнева... К тому же не надо забывать, что именно советская власть построила для этого «инакомыслящего» режиссера новое здание. А третий Любимов — тот, который уже вернулся. Вернулся, потому что потерял все контракты на Западе, так как там есть определенные возрастные цензы при подписании серьезных договоров.

— Извините, но я вам задам вопрос, который обычно в лицо художникам не говорят. Мне кажется, что после драматического разделения Таганки, к великому сожалению, ни по ту сторону разделяющей вас стены, ни по эту не происходит больших художественных открытий... Чем это можно объяснить?

— Наверное, тем, что у нынешнего художественного руководства таланта не хватает... (Смеется).

— Я понимаю, что вам удобнее отшутиться. Но, как мне кажется, причина творческого спада заключается и в том, что артисты потеряли точку опоры и не знают, что отстаивать и куда идти.

— Я могу сказать одно: может быть, у нас и нет, как вы сказали, значительных художественных открытий, потому что я все-таки

больше кинорежиссер, но наш коллектив совсем не разобщен и не растерян. Более того, чем труднее нам живется, тем теснее мы объединяемся и верим в будущее своего театра, в основе репертуара которого лежит русская классика.

— Но почему же тогда вы не приглашаете на постановки молодых режиссеров?

— Наш театр открыт для всех. Пожалуйста, пусть приходят и предлагают свои идеи. Я готов всех выслушать.

(Губенко забыл при этом упомянуть, что приходящий режиссер должен привести с собой спонсоров, которые помогут с финансированием будущего спектакля).

— И еще один вопрос, который я не могу не задать: это о принятом Думой Законе о нравственности на телевидении, в разработке которого вы принимали активное участие.

— Я считаю, что это очень важный закон. Пресса в большинстве своем извращает его содержание. Но прежде чем критиковать, надо как следует его изучить и понять. Без этого закона на телевидении и впредь будет твориться то, что процветает сейчас: полное забвение культурных, семейных и национальных традиций.

— Многие считают, что закон о нравственности — это установление новой цензуры.

— Ничего подобного. Цензура — это когда ты предлагаешь материал, а тебе заранее его запрещают. Здесь же все по-другому: после того, как та или иная передача вышла в эфир и в ее адрес поступило определенное количество протестов со стороны граждан, только тогда совет по нравственности начинает реагировать на это. Причем «крутые» меры принимаются не сразу. Вначале авторы передачи предупреждают, напоминают о том, что его программа не соответствует лицензионному договору с держателями вещания. Если же с его стороны на это нет реакции, то совет обращается в суд об изъятии у него лицензии. Наш закон о нравственности построен, главным образом, на опыте Франции и Италии, где существуют подобные советы. Дело в том, что общественное мнение нельзя успокоить путем переключения кнопок в телевизоре, как это предлагает Владимир Познер. Ты переключаешь каналы, а там идет одно и то же.

— Скажите, не обкрадываете ли вы себя как художника, заседа в парламенте?

— На поставленный вами вопрос я отвечу другим вопросом: а почему художник должен стоять в стороне от общественных проблем? Кому, как не ему, заботиться о сохранении духовного наследия и русской культуры? Свобода — вещь прекрасная, но при демократии тоже должны быть свои законы и ограничения, которые не дадут возобладать хаосу в стране...

...Больше Николай Николаевич не мог со мной разговаривать. Губенко пора было начинать спектакль. Я пошла на выход. Вокруг меня молодые актеры спорили, шумели и обсуждали новые роли. Никакого уныния, подавленности на лицах я не заметила. Это был их дом, и вели они себя в нем как хозяева.

Беседу вел
Любовь ЛЕБЕДИНА.